

«Воскресенье»
«Мастерская»
Л. Фоменко

Время 11.11.2008 - 23 апр. с. 11.

Что есть, что было...

«Мастерской Петра Фоменко» — 10 лет

По этому поводу с 21 апреля по 21 июня пройдет юбилейный фестиваль легендарных спектаклей театра — прошлых, восстановленных, и настоящих. И по этому же поводу **ПЕТР ФОМЕНКО**, вернувшись из Парижа после постановки «Леса» в «Комеди Франсез», согласился встретиться с журналистами. Предупредив, однако, сразу, чтобы определенности, ответственности и конкретности в ответах с его стороны не ждали.

Записала Ирина Корнеева

Шагреновая кожа

— Наша жизнь началась года за три до нашей истории — когда пришли на первый курс наши «стариксы». Их было девять тысяч душ — актеров и режиссеров. Это десятилетие для нас — повод не забыть, зачем мы тогда в ГИТИСе собрались.

Фестивалем мы решили помянуть спектакли, которые при рождении нас были дороже всего. Конечно, десятки в воду мы не войдем. Не все спектакли восстановимы — не будет «Тани-Тани», «Пчелкины», «Варваров», «Свадьбы», «Балаганчика». Говорят, незаменимых нет. Но театр, в котором есть незаменимые актеры, действительно живой.

Фестиваль — попытка обозреть прошлое нашего театра. Это будет некое, грустное, но, я надеюсь, светлое прощание. Лучше сыграть то, что есть, и то, что было, а как это будет — покажет фестивальский месяц. А поскольку мы будем играть в больших пространствах, то еще раз, наверное, убедимся, что мы театр «малой формы», как однажды придумали для увеличения номинаций, чтобы еще кому-то прижизнов хватало.

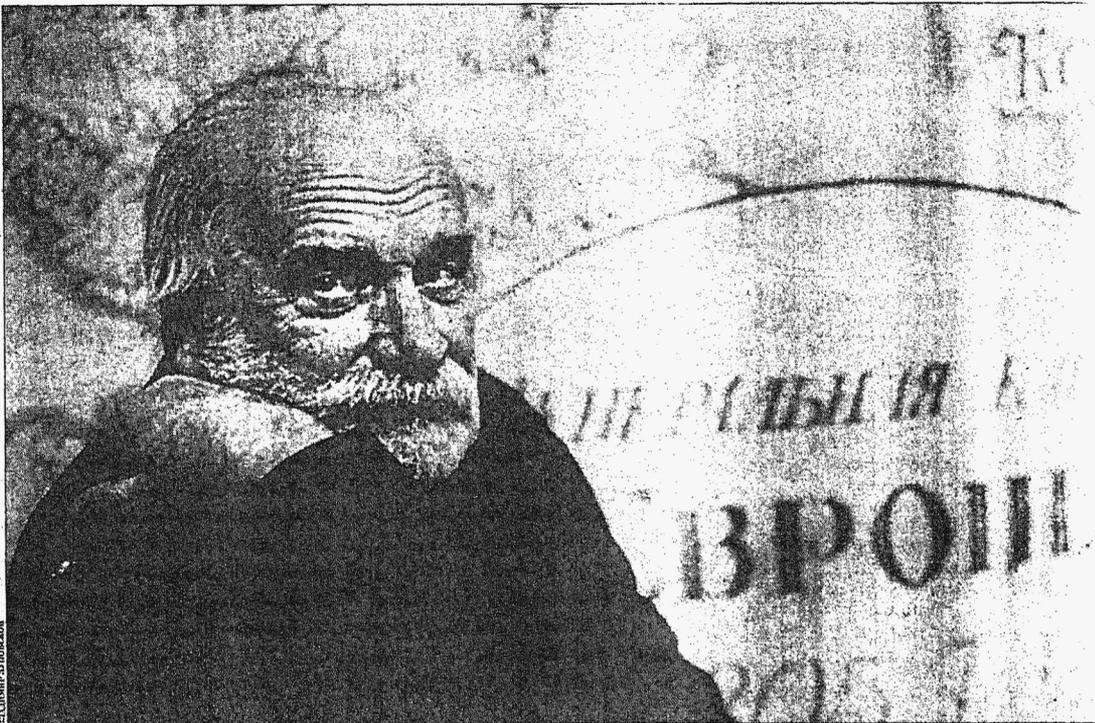
Мы играли и на полторатысячных пространствах. Как, например, в Александринском театре — там была возможность попытаться не завоевывать зал, не переть, пардон, на артистичей, чтобы их заставить воспринимать, а, приближаясь, втягивать в себя, как в центрифугу. Успешность этой непростой задачи зависит от того, как сами артисты вырабатывают свою работу, профессию и роль и до какой степени им удастся играть не столько роль, сколько спектакль.

Нам очень хотелось соединить прошлое с настоящим. А связь времени прежде всего в том, что будет. Я не знаю, чем сердце успокоится. Нам часто ваши собратья по перу обвиняют, что у нас затупился детский взгляд на лукавье, что очень долгое у нас легкое дыхание и упоение радостью бытия. Бог с ними. Есть некая опасная тенденция утешительной интонации в нашем репертуаре. Но утешительность хороша, если она не подобострастна и не граничит с парикмахерской, когда стригут вас и записывают в интернете: так не беспокоят? Беспокоит, конечно, надо. Но какое счастье в каждом, даже самом безнадежном человеке, найти что-то прекрасное...

О будущем нашем репертуаре хотелось бы осторожно говорить. Скажите — значит наполовину потерять то, что еще не сделано. Время ведь как шагреновая кожа: Иногда оно мгновенно скукоживается, потом, кажется, замирает, потом — урал — отпило и начинает вроде бы растягиваться. Фестивалем мы хотим остановить шагреновую кожу в своем скакании.

Будущих авторов нашего репертуара назову — все равно это уже висит на заборе, — Чехов и Островский. Да, оригинально. Неважно, лет мы думаем о пьесе Шоу «Дом, где разбиваются сердца». Об Ибсене. О «Бельях ночах» Достоевского. Я ценю тех наших мастеров и режиссеров-педагогов, которые создавали нашу классику и в нее вносили свое. Евсей Яковлевич и Сергей в Сергеей Петрович тоже у нас будут востребованы. И со стороны Художественный театр, где Евгений Борисович сейчас обливается кровью горячих сердец, с другой — Малый... Надо сопрягать жизнь.

А у нас даже не фестиваль, а попытка, как раньше это называли, путешествия по местам боевой славы. Пионеры ходили по Курской дуге, собирали обложки, находили кости. Когда строили третье транспортное кольцо, здесь (около «Мастерской Фоменко»). — Ред.) тоже очень много костей выщипали из земли. Еще

Петр Фоменко: когда мы итожим...

до сталинских домов (в подвале одного из которых и располагается театр. — Ред.) было огромное Драгомилевское кладбище. Хорошее место... И тем не менее нам здесь предстоит прожить с надеждой и реализовать ее в пространстве — построить новый театр буквально в ста метрах от нашего подвалчика. С видом на Москву-реку, с подземным ходом, соединяющим два здания.

Новый театр

— Хочется, чтобы театр был ружодевальным, а не компьютерным. Не то чтобы старомодным, но нормальным, старинным, в смысле — обычным традиционным театром, с хорошим звуком, светом и

акустическим пространством. Как до революции. Наверное, я цепляюсь за абстрактно ушедшее прошлое. Я был свидетелем, как ушла из кинематографа, во влком случае, телевизионного, профессия теплою ручного монтажника на монтажном столе. Стол заменили аппаратной, там возникли кнопки, секунды, и люди, которые смотрят в мониторы, — они не дышат с артистами. Для меня это абсурд, а они считают, что это я из дремучего прошлого...

Мне кажется, что Россия пережила плащеты всею по страданию. Это вызывает сохранение лесовых категорий и даже облегчение, пусть они, страдающие, у нас будут, но уже хочется страдать о радостях бытия. У нас было много вариантов со данием. Нам мочили, мы иногда сильных мира сего морочили. Когда они оказывались слабыми мира сего, хотелось им сказать: у нас проблемы, вы заходите к нам, мы вам поможем. А чем мы им поможем? Приходило в основном жепы. Помогали... Нам помогали, и даже в трудное для нас время наши друзья-финансисты ставили на «полудожского жокея»...

«Комеди Франсез»

— Наши артисты умеют работать и репетировать сами. Я говорю об этом французам, они смотрят на меня как на пидюта — чего он выдумывает?

А вообще «Комеди Франсез» — это какой-то мегаполис, а не

театр — девятьсот человек в нем работает. Я там от нешипы французского языка поставил спектакль практически за месяц. Если бы язык знал, наверное, не хватило бы и двух лет. Это была авантюра.

Я там потерял десять очков. Разбил, съелам. Третий третий пощере русской интеллигенции оказался самым для меня неприятным: что делать, кто виноват и где мои очки? Писать, когда не забываешь, репетиции идут привычно. Все-таки есть отличный язык у артистов — и у французюв, и у наших. И языка тогда можно не знать, хотя это очень опасно.

А Островский, как и Пушкин, почти непереодим. Самая хрестоматийная пьеса Островского на чужбине оказалась очень глубокой. Я лет пятьдесят с этой пьесой все ходил, ходил... У нас была мужская школа, а рядом женская, и попасть в их женский монастырь без повода было непросто. Мы в восьмом-девятом классе ходили играть срывочки в женские школы. Я играл Нечастливцева. Смех смехом, а это было в 48-49-м году. Годовые, тонкие...

Во Франции я еще раз понял, что всякие авангардные театры, которые прощадывают пути в неизвестное будущее, стремятся всегда врать все, что за словом стоит, под словом, вокруг слова и иногда в самом слове. И я так неосознанно по речи, которую чувствуешь, понимаешь; знаешь...

Но я, кажется, так и не объяснил, зачем нам этот фестиваль. В Театре комедии была великая актриса Елизавета Уварова. Однажды, когда собрался весь театр, Сережа Ковковин предложил: давайте хоть раз скажем друг другу правду. И маленькая Елизавета Александровна вдруг первый раз в жизни поднялась: «Что вы сказали?» — «Давайте скажем друг другу правду». Она была такая Крошечка Цахее, а тут стала большой: «Не надо!»

Она очень сознательно относилась к театру... Так что пусть лучше артисты расскажут, хочется им старые спектакли играть или нет. Пусть скажут честно. И я буду знать. В ближайших номерах читайте интервью с ведущими актерами «МАСТЕРСКОЙ ПЕТРА ФОМЕНКО».